

А. Г. Сущевский

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕВАНТИЙСКОЙ АЛФАВИТНОЙ СИСТЕМЫ В СРЕДЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ПИСЦОВОЙ ПРОПЕДЕВТИКИ*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Анализ проблемы генезиса алфавита предполагает ясно осознанную границу между концепцией фонографии как модели письма и диахронным аспектом описания названий букв и их устойчивого порядка как модели пропедевтики у левантийских писцов конца II тыс. до н.э. В настоящей статье последовательно прослеживаются стадийные трансформации (включая вводимую автором «протофонографию») функционирования графем в моделях письма: «идеография → морфография → “протофонография” → фонография». Предлагается анализ и критика так называемой «acrofonic model» происхождения ономастики графем левантийского линейного консонантного письма. Топографический анализ археологических свидетельств четырех текстовых культур в Леванте XVII–XI вв. до н.э. позволяет сделать вывод о формировании ономастики и дукта графем левантийских абецедариев в среде египетской писцовой пропедевтики. Библиогр. 31 назв. Ил. 6.

Ключевые слова: алфавит, фонография, морфография, абецедарий, древний Левант, древний Египет, письмо, письменность.

THE LEVANTINE ALPHABETIC SYSTEM AS BEING FORMED IN THE ENVIRONMENT OF EGYPTIAN SCRIBAL PROPAEDEUTICS

A. G. Sushchevsky

St. Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Analyzing the genesis of the alphabet, one should see a fundamental difference between the conception of phonography as a model of writing and the diachronic aspect of describing letters' names and their strict order as an educational pattern used by Levantine scribes late in the 2nd mill. B. C. This article traces transformations of grapheme functioning in such models of writing as ideography — morphography — “protophonography” (a term introduced by the author) — phonography. The author proposes his analysis and critique of the so-called “acrofonic” model of the origin of Levantine letters' names. Topographical examining of archaeological evidence for the four textual cultures that functioned in Levant in 17–11 cent. B. C. allows us to deduce that the formation of onomastics and ductum of graphemes in Levantine abecedaries took place in the context of Egyptian scribal propaedeutics. Refs 31. Figs 6.

Keywords: alphabet, phonography, morphography, abecedary, ancient Levant, ancient Egypt, writing, script.

Описание проблемы происхождения так называемого алфавитного письма с точки зрения грамматики содержит некоторую контаминацию терминов. Алфавит, строго говоря, это не вид и форма письма, а порядок букв, система скорее мнемоническая, чем имеющая отношение к принципам грамматики. *Алфавит определяется наименованием букв, их устойчивым количеством и последователь-*

---

* Работа выполнена в рамках НИР «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н.э.)», СПбГУ (ИАС 2.38.525.2013).

ностью относительно друг друга. Принципы письма и отражение в них различных структур языка не имеют к этому непосредственного отношения. Алфавит — это технический инструмент; его можно создать искусственно для письменности, которой вообще не свойственна фонография: так поступили, например, египтологи с идеографическим письмом древних египтян. Таким образом, анализ проблемы генезиса алфавита предполагает ясно осознанную границу между концепцией происхождения фонографии как модели письма и диахронным аспектом при описании формирования названий букв и их устойчивого порядка как модели пропедевтики у левантских писцов рубежа II–I тыс. до н. э.

Впервые алфавитный порядок был оформлен именно для фонографической системы письма — угаритской модели¹ на основе клинописи [1, р. 46–58, 76–81, 81–91]. Принципы фонографии предполагают, что используемые графемы отражают фонологическую (а не морфологическую или семантическую) структуру языка и коррелируют (впрочем, не всегда последовательно и адекватно) с системой особых минимальных фонетических представлений, фонем, отличных, в свою очередь, от минимальных просодических выделяемых в речи сегментов, в число которых входят слоги. Поэтому предполагается еще и калибровка подлинной фонографии и «силлабической» системы письма как вариантов фиксации речевой деятельности, оформленной в текст.

Так называемые силлабарии формировались независимо в различных культурах текста по всему миру на субстрате идеографии, но **подлинная фонография возникла только однажды** и при весьма специфических исторических условиях. При нынешнем состоянии описания этой научной проблемы, которое сформировали ряд публикаций 2000-х годов [2–5], достаточно обоснованным представляется положение о том, что основой для формирования консонантной фонографии была идеографическая система письма древнего Египта, принципы которой и будут нашим отправным пунктом.

Идеограмма как таковая, рассматриваемая в диахронном аспекте, не является графемой письма, поскольку для ее формирования не использовался принцип отражения структур языка. **Идеограмма по происхождению — художественный объект**, она появилась в композиции, созданной средствами художественно-эмоционального отражения реальности.

Однако функциональность идеограммы состоит в том, что она формирует сообщение, семантически отличное от художественной композиции. Идеограмма отражает не сам объект, а систему семантических связей, которыми объект представлен в опыте, откуда и возникает возможность отвлеченной интерпретации, или «иносказания», для этого рода знаков, что сближает их с эмблемами и символами.

Устойчивая лексическая интерпретация идеограммы позволяет использовать ее для передачи минимальных основ в составе слова, т. е. морфем. Наделенная такой функцией идеограмма становится знаком письма в его принципиальном опи-

¹ Для сравнения, другая, исторически синхронная, фонографическая модель — древнеегипетская «новая орфография» не имела, насколько известно, устойчивого порядка знаков. Писцы часто использовали различные графемы для передачи одного и того же просодического сегмента (условно говоря, «слога»), а репертуар графем едва ли представлял собой закрытую устойчивую систему. Сообщение Плутарха о бытовании у египтян порядка букв из 25 знаков («квадрата пяти») относится к той поре, когда сами египтяне уже познакомились не только с арамейским, но и с греческим алфавитами.

сании, так как отражает в сообщении языковые структуры, прежде всего морфологию. Соответственно, такая графема терминологически определяется как морфограмма.

Особую проблему составляет функциональный переход от морфограммы к фонограмме, от отражения морфем к передаче фонем речи. Как правило, носитель языка вычленяет в речи особые просодические отрезки, минимальными из которых являются структуры, близкие к слогу. Поэтому мировая практика пестрит «силлабариями», однако египтянам создать собственную такую систему не удалось, даже после непосредственного и длительного знакомства с «силлабарием» аккадского происхождения².

Однако сама практика морфографии привела к любопытной модели анализа словоформы, при которой сегментация проводилась произвольно, не в соответствии с морфемным строем. «Субморфемный» уровень сегментации словоформы уже чрезвычайно близок к тому, который проводит прямую и устойчивую корреляцию между графемой и минимальным звуковым представлением, фонемой. Получаемые таким образом отрезки отражали в речи только части морфов и лишь опосредованно соответствовали отдельным консонантам, фонемам речи. Такой прием письма уже не может быть описан как морфография в строгом смысле этого термина, тем не менее к дескрипции «фонография» перейти также нельзя, поскольку **фон речи не был непосредственной целью графической передачи.**

Функциональное преобразование принципов письма от моделей идеографии к фонографии до сих пор не получило принципиального описания. Как правило, исследователи этой проблемы ограничиваются указанием на ряд археологических находок «синаяского письма», представляющих собой скальные граффити. Особенность последних состоит в том, что они выполнены знаками, дукт которых идентичен или близок дукту идеограмм и морфограмм египетского письма, однако организация этих знаков в сообщение исключает принципы египетской морфографии. Иными словами, по-египетски эти надписи не читаются, но и какая-либо иная лингвистическая интерпретация последовательно не проведена. Атрибуция этих надписей к западносемитскому (далее — зап.-сем.) языковому контенту все еще остается вероятной гипотезой³. Однако структурный анализ надписей как будто показывает, что для записи использовалась иная сегментация словоформы, нежели морфемная.

Поскольку в первой половине XX в. в египтологической филологии еще не была предложена морфографическая модель египетского письма [11, с. 142], несколько групп египетских знаков описывались как фонограммы — графемы, передаю-

---

² У.Ф. Олбрайт высказал положение о «силлабической орфографии» в египетских текстах эпох Среднего и Нового царств [6], и несмотря на крайнюю противоречивость материала, оно стало общепринятым (см., например, вводный лингвистический курс А. Лоприено [7, р. 14, п. 10]). Ф. Юнге в грамматике новоегипетского языка предпочитает использовать более нейтральный термин «групповое письмо» [8, р. 41]. Поскольку до сих пор не удалось продемонстрировать последовательную и устойчивую передачу конкретного гласного графемами этой модели письма, описывать ее как силлабическую было бы некорректно.

³ Эта гипотеза была высказана главой школы британской египтологии сэром Элленом Х. Гардинером [9, р. 15]. В российском востоковедении зап.-сем. контент этих надписей утверждался А. Г. Лундиным, который одновременно отрицал происхождение графем из египетской письменности [10].

щие звуки речи, фоны. В соответствии с этим научным положением (Э. Х. Гардинер и А. Эрман) интерпретация знаков «синайского письма» не вызывала теоретических трудностей, и они «по умолчанию» были представлены как фонограммы, т. е. буквы «протоалфавитного» письма. Получалось, будто фонографию как таковую египтяне использовали уже не менее тысячи лет до появления «синайского письма», а в этом последнем число фонограмм было сведено только к двум десяткам и полностью были удалены все идеограммы. Другими словами, *конечная стадия* преобразования «идеограмма ⇒ морфограмма ⇒ фонограмма» представлялась (и до сих пор многими представляется) как *начальная стадия* формирования письменности у египтян на рубеже IV–III тыс. до н. э.

Согласно устоявшейся научной традиции, восходящей к Гардинеру [9, р. 15], выбор египетских знаков для фонографического соответствия зап.-сем. графемам *алеф*, *бет*, *гимел* и т. д. определялся «принципом акрофонии». В частности, интерпретация знака ‘голова быка’ в зап.-сем. лексике будто бы соответствовала основе *ʾalp- ‘бык’, откуда и функциональная семантика *ʾalef* по первому консонанту данной основы. Акрофоническая модель в целом имеет ряд слабых мест, ставящих под сомнение ее надежность, на них обращается внимание ниже. Тем не менее, именно на примере египетской идеограммы F1 ‘голова быка’⁴ нам бы хотелось проиллюстрировать свое понимание трансформации функционирования графем в моделях письма: от идеографии к фонографии. Мы предлагаем реконструкцию преобразований этой египетской идеограммы, которые, как нам кажется, могли бы теоретически привести к появлению графемы, известной у эллинов как *альфа*, а в Леванте как *алеф*⁵.

На рис. 1 ‘голова быка’ представлена как *художественный объект* в рамках композиции изображения приношений на жертвеннике. Никаких иных интерпретаций здесь не допускается. На рис. 2 ‘голова быка’ изображена не на жертвенном столе, а как бы под ним, рядом со знаком числа ‘тысяча’, что предполагает отвлеченную интерпретацию: не собственно ‘голова’, а ‘говядина’ как сорт мяса. В этом случае перед нами *идеограмма*. Важно отметить то обстоятельство, что идеограмма F1 на египетских памятниках встречается практически исключительно в аналогичных композициях культовых изображений почитаемого усопшего перед жертвенным столом.

На рис. 2 видно, что для уточнения интерпретации идеограммы выстраиваются в особые порядки, группы. С развитием идеографии эти порядки начинают от-

---

⁴ В основе принятого в египтологии буквенно-цифрового обозначения знаков лежит так называемый Список Гардинера, первоначальный вариант которого со временем уточнялся и дополнялся.

⁵ В диахронном аспекте эта гипотеза представлена двумя разными положениями. Визуально-графическое соответствие египетской идеограммы F1 и знака ‘голова быка’ в надписях, например, Вади эль-Холь вполне очевидно и предполагает здесь грамматологическую аналогию. Но между знаком ‘голова быка’ и графемой ‘алеф’ в левантских граффити XI–X вв. до н. э. пролегло почти тысячелетие (!), и значительное искажение дукта (если усматривать такую преемственность в принципе) делает взаимную атрибуцию графем предметом дискуссий. Эта преемственность постулируется в рамках так называемой *протосинайской гипотезы*. Альтернативный подход к проблеме предполагает, что дукт знаков в фонографическом письме Леванта имеет совсем другое происхождение и формировался не на основе традиции, восходящей к лапидарной иероглифике, а на основе графем египетского административного курсива — так называемой *иератики* (отсюда название такого подхода — *иератическая гипотеза*); подробнее см.: [12].

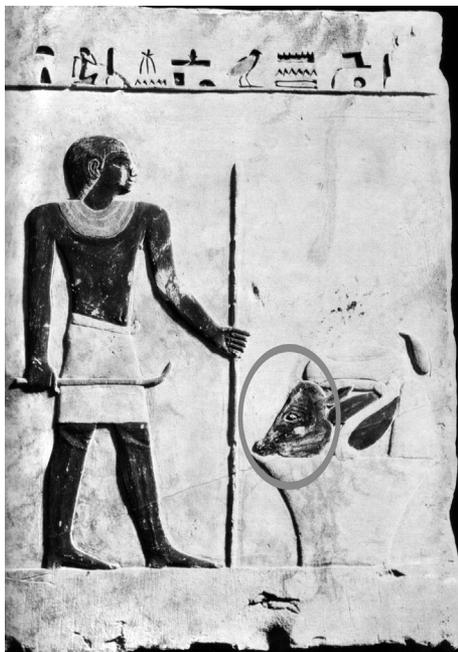

Рис. 1. Стела I. 1.a.5605 из ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва)

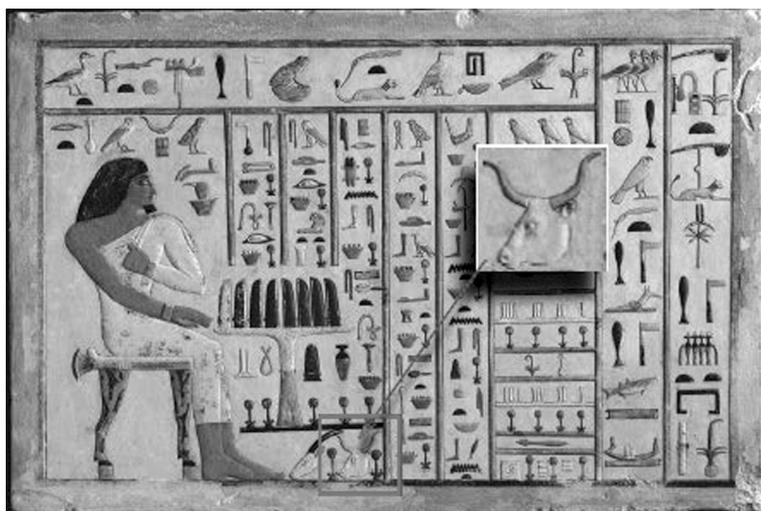

Рис. 2. Гробничная плита G1201 из Антропологического музея Ф. А. Херста (Беркли)

ражать языковые структуры: синтаксис и морфологию. На этой стадии идеограмма уже описывается как графема письма и функционально определяется как морфограмма, т. е. знак, передающий грамматически значимые сегменты словоформы. Но идеограмма 'голова быка' такой функцией не наделялась — по крайней мере, во II тыс. до н.э., т. е. в тот период, когда и проходил весь процесс формирования фо-

нографии и, соответственно, появления буквы *алеф*. Другими словами, знак F1 'голова быка' в системе собственно египетской письменности не использовался как *морфограмма*, ни тем более как *фонограмма*.

Впервые, насколько можно судить по сохранившимся памятникам, знак 'голова быка' встречается вне системы египетского письма в двух особых регионах: в скалах Ливийского нагорья к западу от долины Нила и среди гор недалеко от юго-западного побережья Синайского полуострова⁶. Археологический контекст позволяет датировать эти группы надписей эпохой Среднего царства, вероятно, XII династией, т. е. началом II тыс. до н. э. Это памятные надписи наемников из охраны караванов (Вади эль-Холь) или охраны бирюзовых и медных копей (Синай). В целом они выполнены в египетской традиции памятных граффити на скалах, иногда даже воспроизводят классическую форму культовых стел. Последнее обстоятельство представляется ключевым для описания условий возникновения рассматриваемой формы письма [13].

Условно обозначаемое здесь как «протофонография», оно не выполняло важнейшей функции внутрисоциальной адаптации — эта роль как в Египте, так и в «египетском» Леванте вплоть до XI в. до н. э. без исключения принадлежала египетскому административному курсиву. Напротив, «протофонография» использовалась исключительно в условиях культовой обособленности теми группами, которые не могли рассчитывать на традиционную форму египетского ритуала обеспечения бессмертия, но тем не менее стремились к его имитации или замещению. Сама форма знаков также заимствована именно из специфического по своему дукту скального курсива египетской идеографии [4, р. 154–155]. На основе гипотетического соотнесения групп знаков с лексемами *r-b* 'господин, хозяин' и *'-l* 'божество' устанавливается «ханаанская» языковая атрибуция этих коротких текстов и, соответственно, фонографическая природа письма [3, р. 85].

Л. Моренц [14, S. 188] и О. Голдвассер [4, р. 133] даже утверждают, что именно Серабит эль-Хедим был центром формирования фонографии, созданной в исключительно «ханаанской» этнической среде. Коль скоро надписи такого же рода, что и в Синайских копиях, были обнаружены в Верхнем Египте, *едва ли справедливо утверждать их исключительно синайское происхождение*. Кроме того, как отметил В. Хельк [15, р. 60], египетская лексема *ʕtmw* (которая, в частности, встречается в египетских надписях, археологически близких надписям «протофонографии») *вовсе не обязательно указывает на выходцев из Ханаана* в эпоху правления династий Среднего царства (начало II тыс. до н. э.), которой датируются надписи с Синая и из Вади эль-Холь. Другими словами, рассматриваемую здесь модель и форму письма преждевременно описывать как «ханаанскую фонографию».

Далее, будучи, по всей видимости, транслировано в южный Ханаан⁷, это письмо продолжало использоваться исключительно для коротких вотивных граффити вплоть до 2-й половины XII в. до н. э. во всем Леванте. Показательны в этом отношении археологические свидетельства из южноханаанского г. Лахиш на рубеже

⁶ Знак 'голова быка' — в этом случае уже не идеограмма F1 — встречается на скалах едва ли не по всему Синаю, однако вне определенного лингвистического контекста, поэтому здесь эти данные анализироваться не будут.

⁷ Наиболее раннее свидетельство — надпись на кинжале из Лахиша, датируемая XVII в. до н. э. [16, р. 53].

эпохи поздней бронзы и раннего железного века, обнаруживающие одновременное присутствие остраконов с египетским административным курсивом и «протофонографией» (левантийским линейным письмом)⁸. Надписи тем и другим письмом выполнены чернилами, в чем очевидно влияние именно египетской писцовой традиции, так как в других местах Леванта «протофонография» вплоть до X в. до н. э. представлена гравировкой или давлением по глине. Причем до середины XII в. до н. э. линейное письмо, вероятно, продолжало использоваться для votивных культовых надписей, а иератика — для административной документации.

Таким образом, речь не идет о том, что «протофонография» возникла и бытовала в среде, где египетские формы и модели письма не были известны. Скорее напротив: совершенно очевидна калибровка другого рода — «сакральное / профанное». Не египетское письмо было недоступно в среде появления «протофонографии» — недоступен был египетский культ Инобытия через сохранение имени, записанного египетской идеографией [13]. Идеограмма F1 'голова быка' служит тому наглядным примером. Ведь она практически не использовалась на письме и не имела морфографического соответствия. О. Голдвассер удалось весьма убедительно показать появление этой идеограммы исключительно в культовых изобразительных композициях, в том числе на Синае, если речь идет о памятниках, выполненных в египетской традиции (рис. 3). Резонным представляется заключить, что сам **контекст заимствования знака 'голова быка' был культовым**, не связанным непосредственно с семантикой идеограммы в египетской письменной практике.

Рис. 3. Изображение с Синайского п-ва № 89 [4, p.36, fig. 15a]

Между тем, наиболее трудный аспект проблемы состоит в соединении в одном научном описании грамматологических и исторических условий предполагаемой трансляции модели письма, появившейся в Египте, в иную культурную среду. До X в. до н. э. не обнаружено археологических свидетельств того, что «левантийское линейное письмо» обрело устойчивый дукт знаков, окончательно установившееся направление [21, p. 46] и тот порядок графем, который нам сейчас известен как «зап.-сем. консонантный алфавит». Эти три положения очень важны для вывода о том, что в Леванте, и особенно в южном Ханаане, до этого хронологического ру-

⁸ Материалы по «протофонографии» — таблицы Б.Засса [16, p.155, Tab.2, p.174–179], по остраконам с египетским административным курсивом — О. Голдвассер [17–19], Дж. Вайзенент [20, p.139, n. 444].

бежа не существовало той устойчивой модели пропедевтики и, соответственно, сложившейся текстовой культуры, которая бы специфически и исключительно отнеслась к «протофонографии».

В силу того что «*алфавит*» — это *мнемоническая система и как таковая является эффектом пропедевтики и текстовой культуры*, едва ли возможно постулирование определенной устойчивой ономастики графем в зап.-сем. языковой среде до обозначенного рубежа — X в. до н.э. К этому времени дукт знаков «левантийского линейного письма» приобрел характер курсива. Каждая графема формировалась весьма условной системой черт, в которой практически не угадывается облик тех знаков, что были представлены в граффити в Верхнем Египте и на юго-западе Синайского полуострова в самом начале II тыс. до н.э. Хронологический разрыв был более чем достаточным для того, чтобы знаки утратили предполагаемый исходный облик (рис. 4; компиляция с использованием материалов Б. Засса [16]).

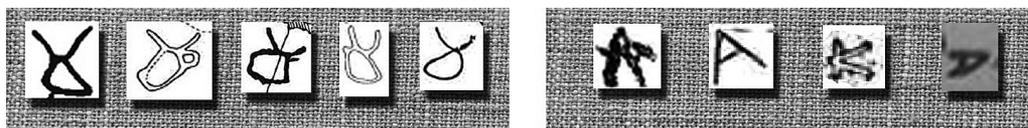

Рис. 4. Графема нач. II тыс. до н.э. — гипотетический *алеф* — с Синайского п-ва (слева) и зап.-сем. *алеф* кон. II тыс. до н.э., Ханаан (справа)

В X в. до н.э. переход к подлинной фонографии уже состоялся сразу в двух центрах Леванта: в южном Ханаане (календарь из Гезера [20, р. 164, п. 535] и абecedарий из Тель Зайит [21]) и в финикийском г. Библ. Здесь наблюдаются два принципиальных обстоятельства. Во-первых, мы располагаем так называемыми абecedарием, т.е. письменной фиксацией устойчивого порядка графем как важнейшего элемента текстовой культуры. Во-вторых, наблюдается окончательное упорядочивание дукта знаков: графемы пишутся только справа налево и приобретают устойчивое направление черт. Эти два обстоятельства позволяют констатировать складывание условий для формально стабильной писцовой техники и главное — техники подготовки писцов, т.е. пропедевтики.

Следующее важное обстоятельство заключается в том, что складывание пропедевтики в двух левантийских центрах появления алфавитного письменного порядка происходило под ощутимым влиянием египетской текстовой культуры, которая до XII в. до н.э. конкурировала с культурой клинописных текстов.

За четыре столетия до рубежа X в. до н.э. в Леванте археологически засвидетельствовано одновременное присутствие четырех различных форм письма: аккадской клинописи [20; 22], клинописной консонантной фонографии, египетского административного курсива и линейной «протофонографии». Языковой и этнический аспекты при анализе этой пестрой в грамматологическом аспекте картины не позволяют получить контрастно выраженной парадигмы [22, р. 10–96]. Например, клинописной фонографией пользовались для текстов, записанных на севере Леванта (Угарит) и на юге (Бет-Шемеш).

Археологические свидетельства практики различных форм письма — это лишь формальный экспонент процесса социокультурной коммуникации, который формирует «текстовую культуру». Тезис о соотносительности формы письма с опреде-

ленной текстовой культурой позволяет построить аналитическое описание, в котором можно показать, как выбор формы письма соответствует особым условиям социальных, культурных и политических взаимоотношений в различных регионах Леванта в XIV–X вв. до н. э.

Аккадская клинопись использовалась в Леванте во II тыс. до н. э. для составления текстов административного, дипломатического, коммерческого и литературного содержания, на ней создавали многоязычные глоссарии, этимологические и мироописательные тексты. Транслировать текстовую культуру столь высокого уровня в полисы южного Леванта можно было, по-видимому, только в ее нижнем регистре (административный учет), в котором ее влияние терялось при появлении конкурентного выбора со стороны египетского административного курсива.

Египетская текстовая культура в том ее варианте, который транслировался в Левант в XIV–XII вв. до н. э., была приземлена и прагматична, что отчасти добавляло ей конкурентоспособности и облегчало ее восприятие в южном Ханаане, который с эпохи правления XVIII династии (середина XV в. до н. э.) испытывал мощное военно-политическое и культурное давление со стороны Египта. Египетский административный курсив использовался для записи текстов с зап.-сем. языковым контентом вплоть до XI в. до н. э. как в Леванте, так и в Египте [23], однако это только пометки о податях зерном или торговые сделки.

В этом сегменте египетская «новая орфография» вполне могла конкурировать с клинописной консонантной фонографией, но при переходе от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку центр распространения этой формы письма, Угарит, как и ряд других крупных экономических центров Леванта, постиг коллапс. Клинописная фонография и соответствующая культура текста прекратили свое существование.

Левантйская линейная «протофонография» как письменная культура в XIV–XII вв. до н. э. оставалась заключенной в узкие рамки граффити на керамике и бронзовом оружии, а по содержанию практически ограничивалась тео- и антропонимикой и указаниями социального статуса. Транслировать в эту среду текстовую культуру клинописи или египетской иератики было практически невозможно. И наоборот — левантйское линейное письмо на протяжении многих веков не выходило в те сферы социокультурной коммуникации, где практиковали клинопись, клинописную фонографию и египетский курсив.

В Леванте 2-й половины XII в. до н. э. из указанных четырех форм письменности археологически засвидетельствовано только линейное письмо. География этих свидетельств относительно широкая (рис. 5): от Дейр Алла (Заиорданье) на севере региона [24; 25] до Избет Сарта [26; 27] (рядом с филистимским г. Гат) в южном Ханаане. Объем этих текстов много шире граффити XVII–XIII вв. до н. э., однако они не поддаются надежной интерпретации: направление письма, дукт знаков и сам порядок организации графем еще не имеют устойчивого характера.

Обратившись к карте (рис. 5), легко увидеть, что помимо Угарита (который сходит со сцены в XII в. до н. э.), полную последовательность форм письма археологически можно проследить лучше всего в Лахише (юг) и Библе (север). Любопытно, что именно вокруг Лахиша, в нем самом и в Библе хорошо засвидетельствована как раз текстовая культура египетского административного курсива. Если провести ось между Библом и Лахишем, то именно на ней окажутся и Гезер, где обнаружен

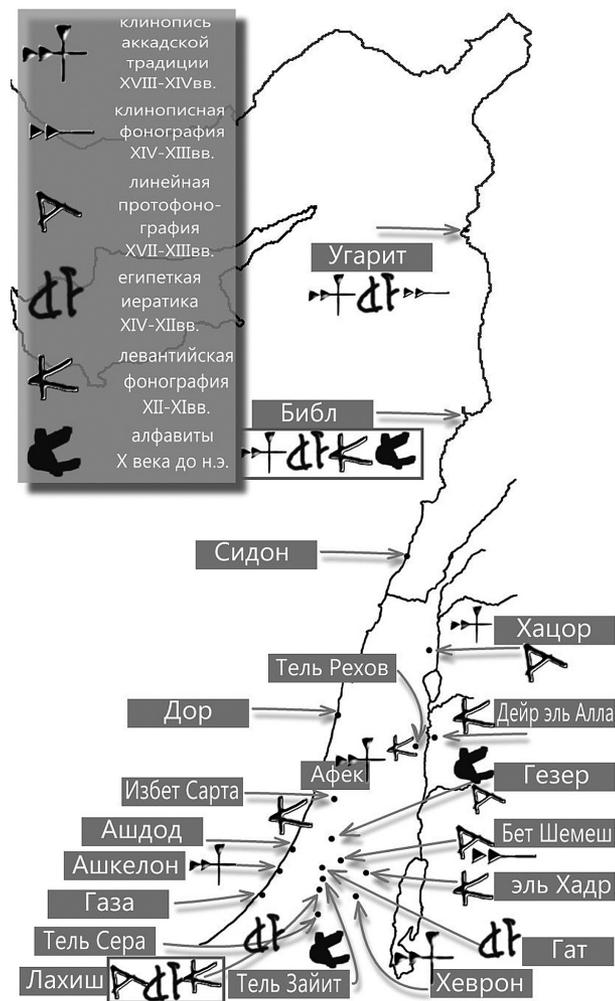

Рис. 5. Карта-схема диахронного распределения археологических свидетельств четырех моделей письма в Леванте XVII-X вв. до н.э.

один из самых ранних памятников левантйской фонографии (календарь из Гезера), и Тель Зайит, в котором археологически засвидетельствован сложившийся алфавитный порядок 'алеф-бет-гимел' [21].

Далее отметим, что формирование алфавитного порядка как такового мотивировано не собственно принципами фонографии, а условиями мнемоники, в число которых, в частности, входит и появление названий для графем. Ведь **буква алфавита — это единство ее дукта и имени**. Именно проблема происхождения названий букв левантйского алфавита является наиболее дискуссионной.

Акрофоническая теория, упомянутая выше, в построениях большинства исследователей по-прежнему остается отправным пунктом. Однако уже довольно давно ей начала формироваться альтернатива.

Buch- stabe	Bild- zeichen	Begriffs- inhalt	ägyptische Bildbezeichnung	ägypti Lautwert	semitischer Name
¹ ALEPH		» er sagt « (Hand am Mund)	*	i n · f »al)ef	'āleph אֵלֶף

Рис. 6. Принцип формирования названия зап.-сем. графемы 'алеф' согласно В. Вайдмюллеру

В 1959–1960 гг. В. Вайдмюллер предложил принципиально иную модель появления названий букв левантийского алфавита [28]. Существо этой модели состояло в том, что эти названия восходят к техническим обозначениям графем египетской скорописи, как и сам их дукт (рис. 6). Затем эту идею поддержал В. Хельк [29], а К.-Т. Цауцих внес ряд существенных уточнений [30; 31]. Вайдмюллер, в частности, сближает графему ζ с египетской графемой (A26), в скорописной форме ζ , часто используемой в египетской «новой орфографии» для передачи фона *i*, близкого зап.-сем. ларингалу '(алеф). Вайдмюллер предположил, что техническим обозначением для этой графемы могло быть позднеегипетское клише книжной речи *i.n=f* 'так он сказал', откуда путем определенных фонологических преобразований получилось название левантийской графемы '(a)-l-⁹. Положение Вайдмюллера было слишком неожиданным и, кроме того, затемнялось целым рядом поспешных построений. Однако после дополнений Цауциха общая картина стала выглядеть более надежно.

Если курсивные графемы письма Леванта, которое здесь описывается как «протофонография», и восходили к тем знакам, которые мы встречаем в надписях из Серабит эль-Хадим и Вади эль-Холь, то, во всяком случае в X в. до н.э., в начертании левантийской графемы ζ (алеф) 'голова быка' не распознавалась. Гипотетический процесс трансформации должен был занять почти тысячу лет, что с исторической точки зрения представить весьма затруднительно. В любом случае со всей определенностью можно сказать, что в X в. до н.э. писцы Леванта от Финикии до городов южного Ханаана использовали систему письма, выработанную на основе египетской административной скорописи, иератики.

Научное изящество этой интерпретации в том, что она последовательно показывает происхождение названий букв из одного источника — письменной традиции египетской текстовой культуры. Напротив, «акрофоническая модель» вынуждена обращаться к лексике различных семитских языков, иногда засвидетельствованной много позднее формирования алфавита в Леванте. Кроме того, сама лексическая интерпретация названий букв в большинстве своем довольно спорна.

Так называемая протофонография формировалась именно тогда, когда фонографической модели в Египте еще не существовало. Морфография, между тем, в египетском письме развилась в модель, которая позволяла членить словоформу на сегменты, изоморфные отдельным консонантам, и записывать их графемами, которые лексически соответствовали основам, содержащим один консонант.

⁹ Подробнее см.: [12].

В сумме получался знак, лексико-семантической интерпретацией которого пренебрегали (в этом аспекте он переставал быть идеограммой), однако формально он соответствовал морфологическому сегменту, т. е. функционально осмыслялся в рамках морфологии египетского языка. Если представить функциональность знака отвлеченно от египетской морфологии, то останется только одна структура, в рамках которой он будет семантически нагружен, — фонология. Другими словами, создатели «синайского письма» не стремились к созданию консонантной фонологии, но она у них получалась по необходимости.

Используя египетскую модель морфографии, но транслируя ее приемы в среду с иным строем морфологии, получали знаки, изоморфные фонам, но только фонам-консонантам, поскольку *египетская модель сегментации словоформы не учитывала вокалических звуков*. Если представить знак такой письменной модели в семантическом треугольнике Фреге (*Zeichen-Sinn-Bedeutung*; он же — треугольник Огдена-Ричардса), то обозначаемым (в представлении субъекта описания) будет вовсе не любой фон в составе словоформы, а ее сегмент, изоморфный какой-либо знаменательной консонантной основе. На практике письма такой сегмент должен был получать лексическую интерпретацию, т. е. «называться». *Так что получалась не акрофония, когда лексема сокращается до одного своего фона, а, напротив, фон «разворачивался» до лексемы.*

Именно такая модель существовала в египетской писцовой практике. Например, лексеме 'ибис' соответствовала корневая морфема *hb*, которую членили для записи на сегменты *h* и *b*, каждый из которых разворачивался в особую лексему: *hzj* 'нисходить' и *bz* 'гений' (интерпретация из первого раздела «Книги истолкования знаков письма» рCarlsberg VII). Соответственно, используя эту практику, создатель «протофонографии» должен был для написания семитского местоимения, типа *ani, разбить форму на сегменты, формально соответствующие консонантам *алеф* и *нун*, и каждый развернуть до некой полной лексемы. Так что, строго говоря, *описание 'акрофония' этот процесс описывает некорректно.*

Организация графем «протофонографии» в устойчивый алфавитный порядок может быть продемонстрирована на памятниках X в. до н. э. в городах южного и северного Леванта, и на этом основании возможно заключение о формировании традиционных названий графем в этот период. Сама идея организации графем в некий порядок была, насколько можно судить, впервые отработана на системе клинописных знаков в Угарите. Названия же левантских графем, согласно гипотезе, восходящей к положению В. Вайдмюллера, были окончательно оформлены под воздействием египетской по происхождению писцовой пропедевтики.

Литература

1. Watson W. G. E., Wyatt N. Handbook of Ugaritic Studies. Leiden, Boston, Köln: Brill, 1999. 892 p.
2. Damerow P. The Origins of Writing as a Problem of Historical Epistemology // Digital Library Journal. 2006. N 1. P. 1–10. URL: http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlj/2006/cdlj2006_001.html (дата обращения: 20.04.2015).
3. Darnell J. C. et al. Two Early alphabetic Inscriptions from the Wadi el-Hôl: New Evidence for the Origin of the Alphabet from the Western Desert of Egypt // The Annual of the American Schools of Oriental Research. Boston: The American Schools of Oriental Research, 2005. Vol. 59. P. 63–124.
4. Goldwasser O. Canaanites Reading Hieroglyphs. Part II. The Invention of the Alphabet in Sinai // Ägypten und Levante. Vienna: Austrian Academy of Science Press, 2006. Vol. XVI. P. 121–160.

5. *Hamilton G.J.* The Origins of the Western Semitic Alphabet in Egyptian Scripts. Washington: The Catholic Biblical Quarterly Monograph Series 40. 2006. 433 p.
6. *Albright W.F.* The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography. New Haven: American Oriental Society, 1934. (American Oriental Series. Vol. 5). 74 p.
7. *Loprieno A.* Ancient Egyptian: A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 322 p.
8. *Junge F.* Late Egyptian Grammar. An Introduction / transl. from German by D. Warburton. Oxford: Griffith Institute, 2001. 391 p.
9. *Gardiner A.H.* The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet // The Journal of Egyptian Archaeology. London: The Egypt Exploration Society, 1916. Vol. 3 (4). P. 1–16.
10. *Лундин А. Г.* Дешифровка протосинайского письма. М.: Наука, 1991. 103 с.
11. *Петровский Н. С.* Звуковые знаки египетского письма как система. М.: Наука, 1978. 174 с.
12. *Немировская А. В., Суцевский А. Г.* О египетском происхождении названий и начертаний западносемитских консонантных графем на примере буквы алеф: филологический и исторический аспекты // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2015. Вып. 4 (в печати).
13. *Суцевский А. Г.* Надписи из Вади эль-Холь: опыт исторического описания проблемы // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2014. Вып. 1. С. 63–70.
14. *Morenz L.D.* Die Genese der Alphabetschrift. Ein Markstein Ägyptisch-kanaanäischer Kulturkontakte. Würzburg: Ergon-Verlag, 2011. 308 S.
15. *Helck W.* Das Hyksos-Problem // Orientalia. Roma, 1993. Vol. 62, fasc. 2. P. 60–66.
16. *Sass B.* The Genesis of the Alphabet and its Development in the Second Millenium B. C. // Ägypten und Altes Testament. Vol. 13. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988. 223 p.
17. *Goldwasser O.* The Lachish Hieratic Bowl Once Again // Tel Aviv. Tel Aviv, 1982. № 9. P. 137–138.
18. *Goldwasser O.* Hieratic Inscriptions from Tel Sera in Southern Canaan // Tel Aviv. Tel Aviv, 1984. № 11. P. 77–93.
19. *Goldwasser O., Wimmer S.* Hieratic Fragments from Tell el-Far'ah (South) // The Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Boston, 1999. Vol. 313. P. 39–45.
20. *Whisenant J.N.* Writing, Literacy and Textual Transmission. The Production of Literary Documents in Iron Age Judah and the Composition of the Hebrew Bible (a dissertation Ph.D.). University of Michigan, 2008. 387 p.
21. *Tappy R.E., McCarter P.K.* Literate Culture and Tenth-Century Canaan. The Tel Zayit Abecedary in Context. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2008. 140 p.
22. *Killebrew A.E.* Biblical Peoples and Ethnicity. Archaeological Study of Egyptians, Canaanites, Philistines and Early Israel, 1300–1100 B. C. E. // The Society of Biblical Literature. Archaeology and Biblical Studies. N 9. Atlanta, 2005. 362 p.
23. *Shisha-Halevy A.* An Early North-West Semitic Text in the Egyptian Hieratic Script // Orientalia. Roma, 1978. Vol. 47, fasc. 2. P. 145–162.
24. *Franken H.J.* Clay Tablets from Deir Alla, Jordan // Vetus Testamentum. Leiden: Brill, 1964. Vol. 14, fasc. 3. P. 377–379.
25. *Shea W.H.* The Inscribed Tablets from Tell Deir Alla. Part I: Andrews University Seminary Studies, 1989. Vol. 27, N 1. P. 21–37; Pt II: Andrews University Seminary Studies, 1989. Vol. 27, N 2. P. 97–119.
26. *Kohavi M.* An Ostrakon of the Period of the Judges from Izbet Sartah // Tel Aviv. Tel Aviv, 1977. N 4. P. 1–13.
27. *Shea W.H.* The Izbet Sartah Ostrakon // Andrews University Seminary Studies, 1990. Vol. 28, N 1. P. 59–86.
28. *Weidmüller W.* Phönikische Buchstaben — ägyptische Bildzeichen // Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel. Frankfurter Ausgabe. Frankfurt, 1960. N 39. S. 733–739; N 46. S. 985–991.
29. *Helck W.* Zur Herkunft der sog. 'phönizischen' Schrift // Ugarit-Forschungen. Münster, 1972. N 4. S. 41–45.
30. *Zauzich K.-Th.* Von Hieroglyphen zum Alphabet // Katalog der Ausstellung „Schrift, Sprache, Bild und Klang“. Würzburg: Ergon Verlag, 2002. Bd. 4. S. 48–53.
31. *Zauzich K.-Th.* Unsere Buchstaben — ägyptische Hieroglyphen. Der Turmbau zu Babel. Ursprung und Vielfalt von Sprache und Schrift // Katalog der Ausstellung Schloss Eggenberg. Graz., 2003. Bd. III. S. 183–189.

References

1. Watson W. G. E., Wyatt N. *Handbook of Ugaritic Studies*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 1999, 892 pp.
2. Damerow P. The Origins of Writing as a Problem of Historical Epistemology, *Digital Library Journal*. 2006, no. 1, pp. 1–10. Available at: http://cdli.ucla.edu/pubs/cdlj/2006/cdlj2006_001.html (accessed: 20.04.2015).
3. Darnell J. C. et al. Two Early alphabetic Inscriptions from the Wadi el-Hôl: New Evidence for the Origin of the Alphabet from the Western Desert of Egypt, *The Annual of the American Schools of Oriental Research*. Boston, The American Schools of Oriental Research, 2005, vol. 59, pp. 63–124.
4. Goldwasser O. Canaanites Reading Hieroglyphs. Part II. The Invention of the Alphabet in Sinai, *Ägypten und Levante*. Vienna, Austrian Academy of Science Press, 2006, vol. XVI, pp. 121–160.
5. Hamilton G. J. *The Origins of the Western Semitic Alphabet in Egyptian Scripts*. Washington, The Catholic Biblical Quarterly Monograph Series 40, 2006, 433 pp.
6. Albright W. F. *The Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography*. New Haven, American Oriental Society, 1934, (American Oriental Series, vol. 5), 74 pp.
7. Loprieno A. *Ancient Egyptian: A Linguistic Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, 322 pp.
8. Junge F. *Late Egyptian Grammar. An Introduction*. Transl. from German by D. Warburton. Oxford, Griffith Institute, 2001, 391 pp.
9. Gardiner A. H. The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet, *The Journal of Egyptian Archaeology*. London, The Egypt Exploration Society, 1916, vol. 3 (4), pp. 1–16.
10. Lundin A. G. *Deshifrovka protosinajskogo pisma [The Decipherment of Proto-Sinaitic Writing]*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 103 pp.
11. Petrovskii N. S. *Zvukovye znaki egipetskogo pisma kak sistema [The Sound-signs of the Egyptian Writing as a System]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 174 pp.
12. Nemirovskaja A. V., Sushchevskii A. G. O egipetskom proiskhozhdenii nazvanii i nachertanii zapadnosemitskikh konsonantnykh grafem na primere bukvy alef: filologicheskii i istoricheskii aspekty [The Egyptian origin of names and forms of the West Semitic consonantal graphemes illustrated by 'aleph: Philological and historical approach]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9*, 2015, issue 4 (in print).
13. Sushchevskii A. G. *Nadpisi iz Vadi el'-Khol': opyt istoricheskogo opisaniia problemy [The Inscriptions of Wadi El-Hôl: an Essay of Historical Description of the Issue]*. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 13*, 2014, issue 1, pp. 63–70.
14. Morenz L. D. *Die Genese der Alphabetschrift. Ein Markstein Ägyptisch-kanaanäischer Kulturkontakte*. Würzburg, Ergon-Verlag, 2011, 308 pp.
15. Helck W. Das Hyksos-Problem. *Orientalia*. Roma, 1993, vol. 62, fasc. 2, pp. 60–66.
16. Sass B. The Genesis of the Alphabet and its Development in the Second Millennium B. C., *Ägypten und Altes Testament*, vol. 13. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1988, 223 pp.
17. Goldwasser O. The Lachish Hieratic Bowl Once Again, *Tel Aviv*. Tel Aviv, 1982, no. 9, pp. 137–138.
18. Goldwasser O. Hieratic Inscriptions from Tel Sera in Southern Canaan, *Tel Aviv*. Tel Aviv, 1984, no. 11, pp. 77–93.
19. Goldwasser O., Wimmer S. Hieratic Fragments from Tell el-Far'ah (South), *The Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. Boston, 1999, vol. 313, pp. 39–45.
20. Whisenant J. N. *Writing, Literacy and Textual Transmission. The Production of Literary Documents in Iron Age Judah and the Composition of the Hebrew Bible* (a dissertation Ph.D.). University of Michigan, 2008, 387 pp.
21. Tappy R. E., McCarter P. K. *Literate Culture and Tenth-Century Canaan. The Tel Zayit Abecedary in Context*. Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns, 2008, 140 pp.
22. Killebrew A. E. Biblical Peoples and Ethnicity. Archaeological Study of Egyptians, Canaanites, Philistines and Early Israel, 1300–1100 B. C. E., *The Society of Biblical Literature. Archaeology and Biblical Studies*, no. 9. Atlanta, 2005, 362 pp.
23. Shisha-Halevy A. An Early North-West Semitic Text in the Egyptian Hieratic Script, *Orientalia*. Roma, 1978, vol. 47, fasc. 2, pp. 145–162.
24. Franken H. J. Clay Tablets from Deir Alla, Jordan, *Vetus Testamentum*. Leiden, Brill, 1964, vol. 14, fasc. 3, pp. 377–379.
25. Shea W. H. *The Inscribed Tablets from Tell Deir Alla*. Part I: Andrews University Seminary Studies, 1989, vol. 27, no. 1, pp. 21–37; Pt II: Andrews University Seminary Studies, 1989, vol. 27, no. 2, pp. 97–119.

26. Kohavi M. An Ostrakon of the Period of the Judges from Izbet Sartah, *Tel Aviv*. Tel Aviv, 1977, no. 4, pp. 1–13.
27. Shea W. H. The Izbet Sartah Ostrakon, *Andrews University Seminary Studies*, 1990, vol. 28, no. 1, pp. 59–86.
28. Weidmüller W. Phönikische Buchstaben — ägyptische Bildzeichen. *Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel. Frankfurter Ausgabe*. Frankfurt, 1960, no. 39, pp. 733–739; no. 46, pp. 985–991.
29. Helck W. Zur Herkunft der sog. 'phönizischen' Schrift. *Ugarit-Forschungen*. Münster, 1972, no. 4, pp. 41–45.
30. Zauzich K.-Th. Von Hieroglyphen zum Alphabet. *Katalog der Ausstellung „Schrift, Sprache, Bild und Klang“*. Würzburg, Ergon Verlag, 2002, vol. 4, pp. 48–53.
31. Zauzich K.-Th. Unsere Buchstaben — ägyptische Hieroglyphen. Der Turmbau zu Babel. Ursprung und Vielfalt von Sprache und Schrift. *Katalog der Ausstellung Schloss Eggenberg*. Graz, 2003, vol. III, pp. 183–189.

Статья поступила в редакцию 6 июля 2015 г.

Контактная информация

Суцешевский Андрей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент; petubast@mail.ru

Soushchevsky Andrey G. — PhD, Associate Professor; petubast@mail.ru